

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 341.218

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОЙ ЭВОЛЮЦИИ

© 2014 г. С.И. Нагих

Российская правовая академия
Министерства юстиции
Российской Федерации
103051 г. Москва, Большой Каретный
пер., 10а

*The Russian Law Academy
of the Ministry of Justice
of the Russian Federation
10a, Bolshoy Karetny Pereulok, Moscow,
103051*

В статье анализируется влияние неозволюционистских концепций на развитие современных представлений о происхождении государства. Отличительным элементом данной концепции является стадильная или полилинейная эволюция форм общественно-политической интеграции. Дискуссионность применения данной концепции к анализу государствообразования коренится в методе отождествления современных форм социальной организации традиционных обществ и догосударственных обществ в древности.

Ключевые слова: *теория происхождения государства; теория социальной эволюции; неозволюционизм; стадии политической интеграции общества.*

The article examines the impact of neo-evolution concepts on the development of current ideas regarding the state origin. A distinctive element of this concept is a phasic or multilinear evolution of forms of social and political integration. This neo-evolutionary theory is discussed in light of its attempt to identify current forms of social organization of 'traditional' societies and pre-state societies in antiquity.

Keywords: *theory of state origin; theory of social evolution; neo-evolutionism; stages of political integration.*

Ряд наиболее влиятельных концепций происхождения государства и права, объясняющих появление первых городов-государств и цивилизации, ассоциируются с понятием социальной эволюции. Попытка создать картину человеческого прогресса на основе эволюционного подхода в общественных науках связана с работами классиков социальной антропологии Г. Спенсера, Л. Моргана и Э. Фрайзера.

Эволюционный процесс представляет собой последовательное преобразование социальных институтов первобытного общества в направлении усложнения и качественной перестройки политической структуры власти. Действительно, все сложные, высоко стратифицированные и дифференцированные общества возникли из относительно эгалитарных обществ. В течение этого процесса создавались новые виды централизованного руководства, идеологии и социальных норм, обосновывающих и оформляющих такое руководство. Такая модель общественного устройства стала не только возможным, но и с определенного момента истории стала считаться единственно возможным вариантом политической организации общества.

Эволюционная точка зрения на процесс политогенеза и государствообразования представляется вполне обычной для отечественного исследователя, поскольку у нас в стране монополюльно доминировала марксистская теория классового происхождения государства, основу которой и составляла эволюционистская идея. Современное рассмотрение проблемы происхождения государства и права в отечественной специальной литературе в основном ведется именно в эволюционистском ключе (или, точнее, в неозволюционистском). В западной же политической антропологии, особенно в американской, было время, когда теория социокультурной эволюции находилась в

маргинальном положении. В последнее время в ряде общественных дисциплин наблюдается тенденция отказа от эволюционной терминологии путем замены эволюционных терминов на понятия нейтрального типа «социальные изменения», «социальное развитие» и пр. [1]. Целый ряд современных научных направлений и школ в обществознании также испытывают определенное разочарование в неозволюционной теории и стараются избегать использования идеи социальной эволюции во всех ее формах. Критики эволюционистского подхода утверждают, что социальная эволюция рассматривала историю как продолжение биологической эволюции, основная идея которой состояла в обосновании закономерности перехода общества от низших форм к высшим, что использовалось для оправдания расизма, эксплуатации колониальных народов и отражало западное презрение к другим культурам [2, р. 3]. Социальная эволюция зачастую характеризуется как иллюзия истории, как гегелевское пророчество рационального процесса, который завершился в современном буржуазном государстве, капиталистической экономике и техническом прогрессе. Такие критические замечания ни в коем случае не новые. Так, следует обратить внимание на замечание американского антрополога и исторического географа Б. Лауфера, который утверждал, что, по его мнению, теория культурной эволюции является наиболее глупой, стерильной и пагубной теорией когда-либо задуманной в истории науки [3, р. 90]. Эта точка зрения отражает то пренебрежение, которое испытывали многие ученые к социальной эволюции в начале XX века.

Особенно критикуется сам способ применения положений эволюционной теории в истории, юриспруденции, археологии и антропологии, который выражается в злоупотреблении поиском соответствий аналогичных форм социальной организации в древности и в современных "традиционных" обществ. Одним из самых неудачных примеров применения эволюционного подхода к вопросу о происхождении государства и права является метод отображения этнографических данных по современным обществам в прошлое. Так, представляется не вполне корректным при построении модели перехода общества от догосударственного состояния к государственному в обществах античной древности использование Ф. Энгельсом материалов Л. Моргана по социальной организации ирокезов.

Однако неоспоримым фактом является возникновение классово стратифицированных обществ со сложной политической системой из обществ, в которых функционировали родовые отношения. Исторические источники и археологические свидетельства доказывают появление общественного разделения труда и дифференциацию доступа к ресурсам, постепенное формирование больших и густонаселенных городов из небольших поселений и деревень. Идеология и система социальных норм первобытного общества, которые поддерживали принципы и структуру эгалитарного общественного устройства, уступила место системам верований и норм, в которых накопление богатства и достижение высокого статуса стали считаться нормальными и естественными, равно как и экономическая дискриминация и рабство. Эти изменения произошли в различных частях мира самостоятельно, примерно в сравнимый промежуток времени с момента появления первых сельскохозяйственных общин. И термин эволюция является единственным известным, который мог бы объединить все эти общественные изменения, описать этот процесс временных изменений в истории и человеческом обществе.

Интерес к объяснению развития социально-экономической и политической системы общества на основе эволюционистской концепции вновь пробудился в XX веке только с работ Л. Уайта. Значительное финансовое обеспечение этнографических и археологических исследований в американской науке предопределило, в общем-то, прорывной характер накопления фактических данных, которые требовали нового переосмысления. Методологической основой этого переосмысления и анализа стало старое эволюционистское направление в форме неозволюционизма. Эта идея и подход вытекают из основателей девятнадцатого века Льюиса Генри Моргана и Эдвард Тайлор и были представлены в середине XX века Лесли Уайт и Джулиан Стюард и др.

Оживление идей эволюционизма в общественных науках произошло в рамках неозволюционной теории начиная с 1940-х годов XX века. Во главе движения обновления эволюционной мысли стоял Лесли Уайт, который, впрочем, отрицал

термин «неоэволюционизм», считая, что его взгляды принципиально не отличается от того, о чем говорил еще Э. Тайлор [4, IX]. В 1943 году Л. Уайт предсказал, что придет время, когда теория эволюции вновь станет преобладающим направлением в науке о социально-культурном развитии общества [5, р. 356]. А почти два десятилетия спустя он констатировал, что антиэволюционизм изжил себя. И концепция эволюции зарекомендовала себя слишком фундаментальной и плодотворной, чтобы ее игнорировать [6, р. VII].

Если Тайлор, Морган и другие антропологи девятнадцатого века выступали против сверхъестественного в истории и теологической теории креационизма [7, р. 1], то Л. Уайт дискутировал, главным образом, с представителями теории партикуляризма Ф. Боаса. Он и группа его сторонников релятивистского подхода, отказываясь установить этапы развития, утверждали, что любая оценка культур был химерой и носила этноцентрический характер. Сторонники школы Ф. Боаса предписывали социальные перемены исключительно благодаря диффузии и заимствованиям, проповедуя антиэволюционные или не эволюционные идеи [8, р. 108].

Эволюционизм выступал для Уайта в виде временной последовательности форм культуры [7, VII]. Он отмечал, что ни в одном последующем этапе цивилизации общество не вступает в новую фазу спонтанно, но произрастает из предшествующей стадии [9, р. 20; 8, р. 108]. Эволюция – это своего рода отношения между вещами и событиями внешнего мира в динамическом аспекте, вещи и события, связанные таким образом, представляют собой эволюционист процесс [8, р. 114].

Для Л. Уайта поток эволюции представлял собой развитие культуры человечества в целом. Там не было речи о запутанных вариантах истории конкретных культур, потому что предметом эволюционистской последовательности у него была вся человеческая культура. Кроме того, эволюционный процесс является необратимым и не повторяющимся, и любая апелляция к определенной культуре в ее взлетах и падениях находилась вне поля его исследования, так как научный интерес Л. Уайта лежал в изучения развития человеческой культуры во всем мире. Прогрессивная шкала, используемая Л. Уайтом при оценке человеческой культуры, была основана на количестве используемой энергии. В соответствии со вторым законом термодинамики, любой объект природы переходит к более равномерному распределению энергии. Речь идет о важнейшей термодинамической характеристики организмов, экосистем и биосферы в целом — способности создавать и поддерживать высокую степень внутренней упорядоченности (низкую энтропию). Этот критерий Л. Уайт применяет для человеческой культуры. Если человеческая культура развивается, то эффективность захвата энергии из внешнего мира увеличивается, что отражается в увеличении количество товаров и услуг, произведенных на единицу труда [7, р. 47; 6, р. 336]. Именно в этом, по мнению Уайта, заключается закон культурной эволюции [5, р. 338]. Поскольку захват энергии зависит от технического прогресса, то и социальная эволюция является следствием технологической эволюции [5, р. 347]. Вооруженный эволюционистской концепцией развития человеческой культуры в мировом масштабе и прогрессивного использования энергии через технический прогресс, Уайт смог описать основную эволюционную траекторию в развитии человеческой цивилизации. В соответствии с положениями учений Г. Мэна и Л. Моргана он изобразил глубокое различие в культурной эволюции человека при переходе от обществ, основанных на родстве, личных отношениях, статусе (*Societas*), к тем, которые основаны на территории, имущественных отношениях и контракте (*Civitas*). В первом типе отношения собственности являются функциями отношений между людьми, а во втором – отношения между людьми являются функциями отношений между объектами собственности [7, р. 329].

Последний штрих вклада Л. Уайта в концепцию социальной эволюции мысль о причинах неприятия эволюционистского подхода в социальной антропологии. Он утверждал, что поскольку капиталистическая демократическая система созрела и надежно утвердилась, то и теория эволюции перестала пользоваться популярностью. И доминирующей нотой в современных ему научных исследованиях стало сохранение статус-кво. Кроме того, антиэволюционизм был направлен против социального прогресса в странах третьего мира и «коммунистической революции» [10, р. VI]. Это и

стало причиной его противостояния с теорией Боаса и его учеников. Марвин Харрис [11, р. 640] связывает изменение взгляда Л. Уайта на эволюционизм с его поездкой в Советский Союз в 1929 году (Л. Уайт даже одно время являлся членом социалистической рабочей партии), отклоняя его понимание предмета, описывая Уайта уничижительным термином Энгельса как "механического материалиста".

Второй источник для возрождения социальной эволюционной теории в антропологии была работа Джулиана Стюарда [12, р. 11-29]. Дж. Стюард рассматривает социальную эволюцию как многовариантный, полинейный процесс, в котором расходящиеся линии эволюции были вызваны отличием местных условиях проживания. С этой концепцией он выступает, в общем-то, против теории Л. Уайта, которая просто игнорирует местные условия. Л. Уайт подчеркивал, что если кто-то хочет узнать, как культурные системы структурированы и как они функционируют, то совсем не надо рассматривать естественную среду обитания [7, р. 51]. Поскольку Л. Уайт говорил о культуре общества вообще, то для него не существовало никаких ограничений, обусловленных условиями окружающей среды условиями. Дж. Стюард отклонил универсальность эволюции Уайта именно потому, что эта теория оказалась не состоятельна в объяснении культурного развития какого-либо конкретного общества, поскольку постулируемые культурные последовательности Л. Уайтом являются настолько общими, что не представляются полезными в объяснении специфики развития какой-либо конкретной культуры [12, р. 17]. Как заметил М. Харрис: «Если обобщение ничего не говорит нам о частностях, оно вряд ли может иметь статус эмпирического предположения» [11, р. 649].

Вместе с тем Дж. Стюард все же соглашался с тезисом Л. Уайта, что социальная эволюция существует, поскольку имеются уровни развития, озаменованные появлением качественно отличительных моделей или типов общественной организации, представляющие собой полностью новые этапы общей интеграции [12, р. 13]. Если социальная эволюция конкретных обществ в основном расходится, то непосредственный атрибут прогресса заключается в том, что фактические материалы указывают на подлинные параллели в исторически независимых последовательностях культурных традиций. Эти параллели в развитии различных культур и цивилизаций можно объяснить только независимой работой одних и тех же причин [12, р. 14]. Многолинейная эволюция пытается определить эти параллельные случаи и подчеркнуть «культурные законы», которые вызвали это параллельно развитие различных обществ. Эти культурные законы коренятся в культурно-экологическом приспособлении – адаптивных процессах, посредством которых происходит историческая модификация культуры в определенной среде [12, р. 21]. Дж. Стюардом были очерчены "типы культуры", комплекс диагностических признаков, которые имели одинаковые функциональные взаимосвязи в каждой культуре в экологически подобных ситуациях. Он был особенно увлечен «гидравлической гипотезой» Карла Виттфогеля, который утверждал, что параллельные траектории в древних государствах были определены необходимостью управлять скудными водными ресурсами. Дж. Стюард утверждал [12], что в засушливых районах (в частности, Месопотамия, является в этом отношении ярким примером) производство, рост населения и социально-политическое развитие были связаны с осуществлением орошения и ирригационными работами в больших масштабах. Изначально ирригация была предпринята только в небольшом, локальном масштабе и, соответственно, социально-политическая единица была небольшим кластером, который, вероятно, состоял из родовой группы или линиджа [12, р. 200-201]. По мере роста населения требовалось расширение ирригационной системы, и возникла необходимость в организации сотрудничества по реализации более масштабных ирригационных проектов в рамках некоторого координирующего органа [12, р. 201]. Теократический правящий класс появился благодаря потребности в управлении работами по орошению, который распространял свой контроль над общественными работами, пока, наконец, не образовалась надобщинная структура – государство. Что касается последующего развития этого раннего государства, то создание ранних империй стало следствием конкуренции за ресурсы с другими политическими образованиями вследствие демографического давления и угрозы нападений со стороны враждебных кочевников. Ирригационная система увеличилась

до пределов водоснабжения и обеспечения максимального роста населения и после прохождения пика своего расцвета рухнула, а ирригационные сооружения были заброшены и население уменьшилось [12, р. 204].

Это пояснительная схема теперь опровергается фактическими данными почти в каждой детали [13]. Однако, как сам Дж. Стюард элегантно отметил, что слишком легко для специалистов приводить в качестве аргумента новый материал и указывать на несоответствия теоретических построений фактам. Как он выразился, факты существуют только до тех пор, пока они связаны с теорией. И если только теория полностью уничтожена фактами, то, как только это происходит, то они должны быть заменены новыми теориями, лучше объясняющие новые факты. Таким образом, критика, которая касается отдельных фактов и не в состоянии предложить лучшие формулировки, по его мнению, не должны представлять интереса [12, р. 209]. Хотя его "факты" считаются сейчас ошибочными, но центральный пункт его построений – социальный эволюционизм с его постулированием таксономических единиц и качественно отличительных уровней общественной организации полностью новых видов социальной интеграции согласуется с принципом Л. Уайта об эволюционном развитии общества (культуры) и его прохождение через ряд этапов.

Последний элемент в восстановлении эволюционных концепций в антропологии неозолоционизма, наиболее влиятельного направления исследования перехода догосударственных форм организации общества в государственные, стал компромисс между позициями Л. Уайта и Дж. Стюарда, предпринятый М. Салинсом и Э. Сервисом. Подчеркивая двойственный характер социальной эволюции, эти ученые [14, р. 4], опираясь также на мнение Э. Тайлора, подчеркнули, что с одной стороны, эволюция состояла в общей траектории развития, по которой человеческая культура прошла в целом, этап за этапом. С другой стороны, эта траектория пролегла через эволюцию конкретных обществ, вдоль ее многочисленных линий. Они предложили термины «общей эволюции» и «специфическая эволюция», чтобы описать эту двойственную природу явления социальной эволюции. Специфическая эволюция конкретного общества в формате полилинейной концепции Дж. Стюарда представляет собой появления новых общественных форм, отличных от прежних. В то время как общая эволюция относится к процессу, посредством которого возникают высшие формы, которые по социально-политическим и экономическим критериям превосходят низшие [14, р. 13]. Конкретные эволюционные последовательности могут привести к параллелизму, где параллельные линии эволюционного развития общества являются следствием адаптации к аналогичной окружающей среде [14, р. 28]. Общая эволюция, по существу, является несоизмеримо более мощным фактором, центральным методологическим инструментом в социально-политической антропологии, сравнимым по своей теоретической власти с теорией эволюции в биологии [14, р. 44]. Извлекая культуры и цивилизации из их исторических контекстов, М. Салинс, Э. Сервис и их коллеги, пытаются очертить последовательные эволюционные этапы общественного развития, которые включают следующие стадии общественной интеграции: локальные группы, племена, вождества, архаические (ранние) государства. Как видно, государства могут быть как политико-юридическими, так и этнографическими и доисторическими общностями людей. Последней наивысшей стадией у них является национальное государство.

Для уточнения условий общей и специфической эволюции М. Салинс представил пример европейского феодализма. Европейский феодализм, по его мнению, не был более высоким этапом «общей эволюции» по сравнению с предшествующей более развитой стадией античной государственности, а, скорее, являлся этапом «в определенном смысле», частью определенной линии развития [14, р. 31, 32]. В общих чертах стадии, предшествующей современным национальным государствам, была представлена такими классическими цивилизациями, как Рим, Китай, Шумер и империя инков. Феодализм, таким образом, – отсталая форма, представляющая "более низкий уровень *общего* развития, чем цивилизаций Китая, Древнего Египта или Месопотамии, хотя она возникла позже, чем эти цивилизации, но привела к форме еще более высокой, чем любая из них [14, р. 33].

Э. Сервис стал объяснять, как феодализм, более низкий уровень общего развития, чем государство в Древнем Китае или Шумере, может привести к более высокой форме, чем любое раннее государство, в соответствии с предложенным им "законом эволюционного потенциала". Согласно его предположению, чем более специализирована и адаптирована форма политической организации на данном эволюционном этапе, тем меньше у общества потенциал для перехода к следующему этапу [14, р. 97]. Кроме того, продвинутая форма обычно не порождает переход общества на следующий этап, поскольку следующий этап начинается в другой линии и последовательные этапы прогресса, вероятно, не переходят от одного вида к своей следующим потомкам, они не могут произойти в том же регионе [14, р. 98-99].

Пример европейского феодализма, который сам по себе, в соответствии с теорией синтеза, был сложной смесью позднеимперских элементов и «варварских» традиций, не представляется удачным. Тем более объяснение Э. Сервиса в связи с теорией социальных изменений, которая находит, что коллапс цивилизации связан с чрезмерной специализацией и адаптацией и не ведет к возникновению более высших уровней социально-политической интеграции, которые стимулируются только в обществах более низшего уровня.

Пропагандист возвращения к социальной эволюционной теории в области антропологии и установления этапов и уровней развития Элман Сервис вступил в дебаты по поводу механизмов изменения, в результате которых происходят государства и цивилизации [15]. Он рассматривал происхождение цивилизации и государства как следствие преимуществ хорошего руководства. Во времена опасности «кочевых набегов орд хищников» [15, р. 299], нехватки ресурсов и беспрецедентной плотности людей, просветленный, теократический лидер в вождестве является самоочевидным преимуществом [15, р. 294], укрепляющим когерентность коллективности [15, р. 298]. Для институализации лидерства используется не принуждение, и, по сути, «цивилизация» является одной из форм культуры, занимая промежуточное положение между благотворным вождеством и государством, основанным на принуждении [15, р. 305]. Согласно его теории «управленческого преимущества» государство есть репрессивное учреждение на основе светской силы [15, р. 306]. Оно появляется только тогда, когда "огромные выгоды системы централизованного перераспределения, системы, характерной для вождеств, делают возможным формирование бюрократического аппарата и социального неравенства [15, р. 285]. В вождестве же нет серьезных социально-экономических различий, общественное расслоение заключается лишь в разделении общества на два класса, правителей и управляемых, которые являются политическими слоями, но не имущественными классами, чье расслоение основано на отношениях собственности [15, р. 285].

Мортон Фрид страстно спорит с Сервисовской концепцией благотворного лидерства и управленческого преимущества. [16; 17]. М. Фрид утверждал, что стратифицированное общество развивалось перед государством и, по сути, государство появилось с целью поддержания стратификации [16, р. 728]. Когда стратификация осуществилась, только тогда начинается процесс государствообразования, что и является причиной возникновения государства [16, р. 728]. Кроме того, М. Фрид предложил альтернативную эволюционную схему общественного развития, основывалась на социальной стратификации и классовом различии [16; 17]. Фрид так же, как и Э. Сервис, разделил общества на четыре категории (эгалитарное, ранжированное, стратифицированное и государственные общества) и определил государство как наиболее сложную форму политической организации общества, но более простые формы не были эквивалентны в обеих схемах.

Очевидно, что полярность взглядов этих двух политических антропологов на сущность процесса происхождения государства зависела от их философских предпочтений значимых теорий социальных изменений, в особенности ортодоксального марксизма. Современные представления о механизме и характере раннего государства включают интегративную модель Э. Сервиса или конфликтную

модель, основанную на принуждении М. Фрида, как граничные варианты эволюционного процесса происхождения государства и права.

Значимость неэволюционистских положений, выдвинутых в первой половине XX века, заключается в том, что именно эти представления предопределили облик и характер различных синтетических теорий происхождения государства в послевоенное время. Примером таких концепций, включающих неэволюционные элементы, могут служить и концепции возникновения первичных государств у Р. Карнейро, Б. Прайс и Э. Босеруп.

Литература, источники и примечания

1. Hegmon M. Setting Theoretical Egos Aside: Issues and Theory in North American Archaeology // *American Antiquity*. № 68. 2003
2. Godelier M. *The Mental and the Material: Thought, Economy and Society* / trans. M. Thom. London: Verso, 1986.
3. Laufer B. Review of R. Lowie, *Culture and Ethnology* // *American Anthropologist*. № 20. 1918.
4. White L. *The Evolution of Culture*. New York: McGraw-Hill. 1959.
5. White L. *Energy and the Evolution of Culture* // *American Anthropologist*. № 45. 1943.
6. White L. Foreword // *Evolution and Culture* / ed. M. Sahlins and E. Service, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.
7. White L. *The Evolution of Culture*. New York: McGraw-Hill. 1959.
8. White L. *The Concept of Evolution in Cultural Anthropology*. // *Evolution and Anthropology: A Centennial Appraisal* / ed. B. Meggars. Washington, DC: The Anthropological Society of Washington. 1959.
9. Tylor E. *Anthropology: An Introduction to the Study of Man and Civilization*. London: Macmillan, 1881.
10. White L. Foreword // *Evolution and Culture* / ed. M. Sahlins and E. Service, Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.
11. Harris M. *The Rise of Anthropological Theory*. New York: Crowell, 1968.
12. Steward J. *Theory of Culture Change*. Urbana: University of Illinois Press, 1955.
13. Trigger B. *Understanding Early Civilizations: A Comparative Study*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 757 p.
14. Sahlins M., Service E. *Evolution and Culture*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1960.
15. Service E. *Origins of the State and Civilization: The Process of Cultural Evolution*. New York: Norton, 1975.
16. Fried M. *On the Evolution of Social Stratification and the State*. // *Culture in History: Essays in Honor of Paul Radin* / ed. S. Diamond. New York: Columbia University Press, 1960.
17. Fried M. *The Evolution of Political Society: An Essay in Political Anthropology*. New York: Random House. 1967.

